

Сергей Качуренко Флигель №10-бис

Часть первая Беда не ходит в одиночку

Киев. 1 сентября 2015 года.

Вторник. 7.00.

Резвый мотивчик телефонного будильника

напомнил визжание бормашины дантиста. Юрко спросонья поморщился и натянул на голову одеяло. Нащупал ерзавший по тумбе смартфон, отключил звук и сунул под подушку. Затаив дыхание, стал прислушиваться.

В доме господствовала тишина, отчего дождевая капель за окном казалась барабанной дробью в преддверии опасного циркового номера. Настроение без того на нуле. Радостный трепет, накануне долгожданной встречи с любимой девушкой, улетучился вечером. Беспokoйный сон поглотил остатки оптимизма, а наутро пробудилась меланхолия с нотками недовольства и тоски.

Мысли, с которыми засыпал, накатили с новой силой. Прежде всего, о войне, в реальность которой трудно поверить и о том, что отголоски этого сумасшествия все чаще докатываются до столицы.

«Стоп! Хандра атакует! – отбросив одеяло, приподнялся и потряс головой. – Не бывать этому! Пора бы на учебу настроиться. Выпускной курс все-таки. Быстренько встал и взбодрился!».

Собрав всю волю в кулак, он соскочил с кровати и босиком прошлепал к окну. Утопающие в зелени холмы древнего Зверинца напоминали ухоженную оранжерею с омытой листвой, но взгляд не радовали. Даже небесное светило, выглянувшее меж грозных туч, не пробудило у Юрка

оптимизма.

— Соберись же, наконец! — зло пробурчал, вlepил себе подзатыльник и снова прислушался:

«Точно в доме ни души. Кого же доставать для поднятия тонуса? Дашка убежала на кафедру. Отец заранее предупредил, что рано уедет на работу, а мама вторые сутки домой не приходит. Госпиталь переполнен ранеными с фронта. Посему, печальный клоун, разбирайся сам со своей хандрой. Заодно определись, откуда веет дурным предчувствием. Может, не выспался? Но раздуплаться все же придется».

Поразмыслив, сымитировал
экспресс-гимнастику и пару минут постоял под холодным душем. Бестолку! Не подсобила и убойная доза свежесваренного кофе с увесистым бутербродом в придачу.

Заперев входную дверь и отметив, что дождь закончился, Юрий Богданович Скорик отрешенно продефилировал до калитки. Где и лопнуло терпение:

«Сколько можно ныть?! Слизняк, амеба бесхребетная! Тоже мне — без пяти минут юрист и будущий сыщик. Как с такой миной показываться Тане на глаза? Посмеется и скажет, что Скорик лето красное зря пропел. А вот и не зря!».

После накачки заторможенность отступила. В памяти промелькнули эпизоды минувшего лета:

практика в адвокатской конторе отца, марш-броски и тренировки на выживание в военно-спортивном лагере под Киевом, суточные дежурства в офисе волонтерского центра при военном госпитале.

Достаточно всего, чтобы похвалиться перед любимой девушкой Танюшей Громыко.

* * *

С первого дня их знакомства сердце Юрия Скорика забилось в неведомом ранее трепетном ритме. Случилось это три года назад на собрании первокурсников факультета правоведения Киево-Могилянской академии. Впервые увидев Таню, он ощутил себя покоренным и безоговорочно завоеванным. Оттого и не думал сопротивляться — сдался без боя.

Поначалу Юрко был сражен наповал неординарной внешностью миниатюрной улыбчивой девушки. Ее точеной фигурой, бездонными серо-голубыми глазами и огненно-рыжими локонами. Но позже оценил добродушный неунывающий нрав, искрометное чувство юмора и завидную сообразительность. На каком-то этапе стал опасаться: «Похоже, я растворяюсь в целостности Таниного характера. Не потерять бы собственную индивидуальность». Но к счастью Амика не относилась к числу

избалованных и взбалмошных барышень. Тех, кто ради поднятия самооценки, окружает себя недалекими воздыхателями.

Свое необычное прозвище она получила в раннем детстве, когда училась выговаривать фамилию Громыко. Как не старалась, а выходило потешно — Амика. И только в школе Таня узнала значение этого слова. Оказалось, что «амика» переводится с итальянского языка как верная подруга. Поэтому и старалась быть таковой для сверстников.

Родители Тани — предприниматели среднего звена, с малолетства привили ей любовь к спорту. Еще в детском саду определили единственную дочь в секцию художественной гимнастики, хотя высоких спортивных титулов она не достигла. Якобы из-за того, что недоразвились бойцовские качества, обязывающие самоотверженно стремиться к победе. Такой вердикт вынес Амике тренер, а Юрко, когда узнал об этом — заочно посмеялся над новоявленным Макаренко:

– Тоже мне, олимпиец! Чего ж он сборную Украины не тренирует? У тебя, Танюша, волевых качеств — вагон и маленькая тележка. При желании любому нос утрешь.

И верная подруга утирала ... в первую очередь самому Скорику. Бывали дни, когда он впадал в уныние, переживая из-за «хвостов» и

неудов. Амика слету хватала ухажера за грудки и, заглядывая в глаза, выговаривала:

– Кончай киснуть, мужчина! Не то будем на пару учиться плавать. Я-то просто не умею, а ты воды боишься, как огня. И высоты тоже. Не поможет плавание, прыгнем с парашютами.

Таня без опасения бомбила самолюбие Юрка. Ему же оставалось хвататься за виртуальный шиворот и стараться вытащить себя из хандры.

Очередной надлом произошел на Майдане. Той самой ночью, когда беркутовцы разгромили студенческий лагерь под стелой Независимости. Им обоим здорово перепало. Добежав до Михайловского монастыря и оказавшись под опекой медиков, Скорик увидел огромный кровоподтек на плече Амики. Тут же позабыл о своем рассеченном затылке и в очередной раз пал духом. Позже и вовсе погряз в переживаниях и страхах, предполагая, что рано или поздно митингующих разгонят бронетехникой. К счастью Амика всегда была рядом, а Юрко, глядя на неунывающую и решительно настроенную подружку, старался бодриться и вскорости оклемался. Отбросив опасения, утвердился в победе. Старался быть более собранным и решительным.

* * *

Похожая незадача случилась и теперь — в первый день осени 2015-го года. Все лето он с нетерпением и трепетом ожидал встречи с Амикой. Отсчитывал дни и часы, а в результате диагностировал у себя полный расколбас и крошечный облом.

Они не виделись без малого два месяца. Поначалу Таня гостила у бабушки в Беларуси, а в конце июля укатила с родителями к морю. В Киев вернулась два дня назад и, созвонившись с Юрком, предложила для остроты ощущений помяться еще немного...

* * *

Перед началом собрания факультета Скорик отметился у старосты группы и успел перездороваться с доброй половиной сокурсников. Только Тани нигде не было видно. Расположившись как всегда на галерке, он наблюдал за входом в аудиторию, стараясь не выказывать обеспокоенности. Наконец, появилась Амика в ослепительно белом платице — умеренно коротком с открытыми плечами. Новый выходной наряд как нельзя лучше подчеркивал шоколадный загар и выгоревшие на солнце локоны, собранные по бокам в игривые хвостики.

Переговариваясь с подружками, Таня то и дело озиралась по сторонам. Заприметив Скорика, улыбнулась и помахала рукой. Окрыленно взмыла на галерку и с разбега уместилась рядом. Юрку же с небывалым трудом удавалось сохранить степенность на раскрасневшемся от волнения лице.

– Вечно ты опаздываешь, – проворчал и потупился, пряча улыбку.

– И тебе, Скорик, пламенный привет! — Таня чмокнула его в щеку и вручила рюкзачок. — Держи, оруженосец! Чтоб ты знал — девушки не опаздывают, а задерживаются. А то сидит такой...

Ее слова и разноголосый студенческий гомон заглушил раскатистый профессорский баритон, усиленный акустическими колонками:

– Раз, раз. Прошу тишины! Приветствую выпускной курс...

Юрко делал вид, будто слушает декана, но его естество витало в виртуальных сиреневых облаках. Сердце учащенно билось и норовило вырваться из груди, а все из-за близкого дыхания Амики и прикосновения к мягкой коже ее рюкзачка, пахнувшей свежевыкошенной травой и полевыми цветами.

Таня глянула на воздыхателя и, конечно же, обо всем догадалась. Улыбнувшись, покрыла своей теплой ладошкой дрогнувшую пятерню Скорика, которому тут же захотелось вскочить и громогласно

объясниться в любви. Вместо этого он изображал степенность, как и подобает галантному кавалеру.

Амика склонила голову и прошептала:

– Ты чего, как из-за угла мешком стукнутый? Как всегда переживаешь по поводу и без? Я по телику видела, как вчера рвануло под Радой. Кошмар! О чем думал этот парень, когда бросал гранату в людей?

— Отец говорит, что его зомбировали.

— Кто?

— Да кто угодно. Разве мало развелось доморощенных экспертов-политологов. Они и подливают масла в огонь. Но ты не подумай... я рад тебя видеть... ты моя...

– Тише, – Таня легонько стиснула его руку. — Потом все скажешь.

Спустя полтора часа воодушевленные напутствием студенты высыпали на площадь перед главным корпусом. Направляясь к станции метро, растянулись по мостовой длинной галдящей колонной. После непродолжительной поездки вышли на Майдан и по традиции посидели на ступенях у стелы Независимости. Прошлись по аллее Героев Небесной Сотни, возложили цветы и постояли возле поминальной церквушки. Оттуда разбрелись кто куда, распрощавшись до вечера.

Таня предложила пройтись по Крещатику:

– Пошли любимый. Буду тебя выгуливать.

Видок до сих пор расквашенный.

– Накрыло малеха, – признался Скорик. — Я так ждал, так настраивался. Ко всему еще дурное предчувствие без повода. С утра не могу отогнать.

Амика ткнула его кулаком в плечо и предупредила:

– Подбери слюни, а то поедем в Гидропарк. Прыгнешь с парашютом, и все пройдет.

– Я почти в норме. Теперь, когда ты рядом...

– Ну, так развлекай даму сердца! До вечера времени хватит. Для начала угостил бы мороженым. Не откажусь и от хот-дога.

Скорик, наконец, заулыбался. Призадумался, куда пойти, но не ко времени запиликал мобильник в заднем кармане джинсов.

– Эсэмэска пришла. Наверное, мама интересуется, как у нас прошло, – сказал, открывая текст. — Хотя нет. Что-то случилось.

Остановившись, прочел: «У папы неприятности. Срочно поезжай домой». Чертыхнулся оттого, что долгожданное свидание придется прервать и отказаться от участия в студенческих посиделках, организованных старостой группы в кафе «Олива» на Пушкинской.

Потоптавшись на месте, промямлил:

– Прости, Танюша. Мне срочно нужно домой. Понимаешь...

– Ну, началось! — Амика свела брови и

подбоченилась. — Вот так всегда, Скорик! Я как дура все лето ждала. Скучала, между прочим! А любимый показал свою кислую мину и сразу в норку к мамочке под крылышко.

— Ну, прости! Дело не в маме. Она сутками на работе.

— Иди ты! — стряхнув с плеча его руку и выхватив рюкзачок, Таня отошла в сторону. — Можешь не оправдываться. Хочешь — уходи! Ньюни распускать не стану.

— Ну и ладно! — нежданно для себя вспылил Юрко. — Ты же слова не даешь сказать! Не хочешь слушать — не надо. Скатертью дорожка!

По-военному развернулся и зашагал к метро, но вскорости поостыл, стал притормаживать и корить себя за горячность:

«Вот придурок! Чего сорвался, великое цэбэ?! Амику можно понять. Но что могло случиться с отцом? Вот тебе и предчувствие! Точно беда сама не ходит. Нужно маме позвонить! Хотя нет! Первым делом догнать Амику».

Вытянув шею, стал озираться, но бестолку.

«Так тому и быть», — отмахнулся и пробежался до входа в метро.

* * *

Юрий Богданович Скорик явился на свет 18

августа 1995 года в родзале первого киевского роддома на Печерске. Временами буйствовал, но чаще сладко спал, прибавляя в весе под присмотром счастливой мамочки и сердобольных акушерок.

За неделю до этого семейство Скориков отпраздновало четвертую годовщину со дня рождения своего первенца — егозливой и требовательной не по годам Дарки. Таким необычным прозвищем на английский манер прозвали Юркину сестру Дарью Богдановну. Из-за того, что в наследство от папы ей достались черные, как смоль выющиеся волосы.

Сам же глава семейства прибывал на седьмом небе от счастья. Хотя имел утомленный вид из-за череды праздничных застолий. Но, не взирая ни на что, исправно тянул служебную лямку.

Юркин отец — капитан милиции Скорик, несмотря на молодой возраст, занимал ответственную руководящую должность. В канун своего тридцатилетия Богдан Михайлович предстал перед подчиненными, в качестве шефа убойного отдела. Выражаясь официальным языком — вступил в должность начальника отдела угрозыска по борьбе с тяжкими преступлениями Печерского районного управления внутренних дел.

Мама новорожденного перед уходом в декрет работала врачом-травматологом в поликлинике водников на Подоле. Ольга Петровна занималась

любимым делом, но на первом месте для нее всегда оставались семья и домашний очаг. Что и повлияло на совместное решение увеличить состав семейства, не принимая во внимание ненадлежащие жилищные условия и скромное финансовое обеспечение.

В те годы Скорики делили жилплощадь с родителями Богдана Михайловича. Старшее поколение ютилось в крохотной угловой комнатухе, а молодым были отданы во владение комната побольше и проходная зала рядом с кухней. Сама же квартира располагалась в цокольном этаже особняка, некогда принадлежавшего киевскому банкиру Ковальчуку. Добротное трехэтажное строение примыкало к таким же дореволюционным постройкам Староникольского переулка в глубине глухого двора с проходами через подворотни на улицы Аистова и Январского восстания. Теперь эти улицы переименованы в Левандовскую и Ивана Мазепы.

Дедушка Юрка — Михаил Павлович Скорик с юношеских лет трудился токарем на оборонном заводе «Арсенал» имени Ленина. Передовик производства не упускал случая упомянуть, что происходит из древнего рода знатных киевских пушкарей. Со своей супругой Марией Филипповной он познакомился во времена хрущевской оттепели в небольшой деревушке на

Черкащине, где вместе с коллегами оказывал плановую помощь труженикам села в уборке урожая свеклы. В итоге умыкнул дивчину у родителей и перевез в свою киевскую квартиру, где обитал в одиночку. Родители Михаила Павловича умерли в один год вскоре после окончания мировой войны.

Как и положено молодые расписались. Спустя полтора года в семье преданного коммуниста и задорной комсомолки Маши появился на свет любимый сынишка Богдан. Мария Филипповна по выходу из декрета выучилась на культпросветработника и стала хормейстером в заводском дворце культуры.

Шли годы, Богдан Михайлович подрастал. Дождливый весенним вечером он познакомил родителей со своей невестой. Ольга Петровна заканчивала интернатуру столичного мединститута, а родом, как и будущая свекровь, оказалась из черкасской глубинки. Мария Филипповна сразу поладила и спелась с землячкой в прямом и переносном смысле, а Михаил Павлович, хоть и не считал себя подкаблучником, но старался не перечить жене.

Ко всему он гордился выбором сына посвятить жизнь борьбе с преступностью. Даже добился для него направления в школу милиции от комитета комсомола и дирекции завода.

После выпуска и распределения новоиспеченный лейтенант Скорик был назначен зональным инспектором угрозыска в родном районе. Весьма скоро зарекомендовал себя сугубо с положительной стороны. Стал уверенно продвигаться по служебной лестнице, продолжал заочно учиться. Ко времени появления на свет своего первенца получил юридический диплом Киевского университета. Заслужил немало наград и пользовался авторитетом не только среди коллег, но и в кругах подучетного контингента. Дослужился до подполковника, занимая должность замначальника районного управления по оперативной работе.

Когда же Юрко получал аттестат зрелости, отец выкупил на Зверинецких холмах участок земли с ветхим домиком в придачу. Раньше там обитала давняя знакомая самых старших Скориков. Пенсионерка собралась перебраться к детям в Прибалтику, оттого продавала участок недорого. Тем не менее, семейству Скориков пришлось собирать воедино все сбережения, да еще и занимать у друзей.

Ремонт и достройка дома затянулись на три года. В итоге Богдан с семьей перебрался в добротный двухэтажный коттедж, освободив родителям квартиру в Староникольском переулке.

К тому времени Дарка получила диплом

Киевского университета и стала бакалавром в области микробиологии. Но продолжала учиться в аспирантуре. Юрко же пошел по стопам отца — осваивал юриспруденцию в Национальном университете «Киево-Могилянская академия». Родители хоть и участвовали в процессе выбора детьми будущих профессий, но довольствовались совещательными голосами. Так уж повелось в семье Скориков: молодое поколение без указок и наставлений обучалось ответственности, самостоятельности и организованности, наблюдая за образом жизни родителей.

В начале 2011 года Богдан Михайлович вышел в отставку. На пике карьеры и неожиданно для всех. Объяснил свое решение тем, что по выслуге лет ему давно полагается пенсия. Ко всему не осталось ни желания, ни сил тянуть служебную лямку за мизерную зарплату. Позже признался, что принял предложение университетского товарища вступить в Национальную ассоциацию адвокатов Украины и начать гражданскую карьеру. Знающему юристу и опытному сыщику удалось в кратчайшие сроки стать высокопрофессиональным столичным адвокатом.

Спустя полтора года в жизни Скориков появилось неоднозначное поначалу воззрение: «Майдан». Неоднозначное из-за того, что Богдан Михайлович скептически отнесся к первым

студенческим выступлениям. В один из вечеров он недовольно бурчал, развалившись в кресле перед телевизором:

– Детский лепет на лужайке. Все равно, что биться головой о стену. Толку не будет! Майданили уже в 2005-м. Чего добились?

Юрко моментально вспыхнул:

– Значит, пусть и дальше воруют?! Дурят нас и продают в рабство! Для них Конституция — пустой звук! Сколько можно терпеть выходки бандитов при власти?

– Не собираюсь с тобой спорить, – продолжал бубнить старший Скорик. — Только учти, что в отличие от «оранжевого» Майдана сейчас с народом панькаться не станут. Сам же сказал — бандиты.

– Ты бы поаккуратнее выражался, — урезонила мужа Ольга Петровна. — Что ж они, по-твоему, детишек газом потравят? Между прочим, студенты всех вузов на митинги выходят. Из Могилянки строем идут вместе с преподавателями.

– Пусть препода за них и отвечают, — отмахнувшись, изрек адвокат и погрозил сыну кулаком. — Чтобы на рожон там не лез! За Амикой приглядывай. А ты, мать, поговори с Даркой. Я ведь знаю, что она тоже на Майдан шастает.

Юрко прислушивался к наставлениям

родителей, но уберечься тогда не смог. Спустя неделю чудом избежал серьезных увечий во время ночного разгрома студенческого лагеря на Майдане. После удара дубинкой по голове, успел прикрыть Амику, схватить ее в охапку и оттащить подальше. Потом вместе с другими студентами они залечивали раны, отсидевшись в Михайловском монастыре.

В тот же день семейство Скориков, за исключением дедушки с бабушкой, отправилось на Майдан, чтобы присоединиться к многотысячному митингу. При этом Богдан Михайлович неустанно повторял:

— Так не пойдет! Детей бить нельзя!

Промитинговав до позднего вечера, возвратились домой, а наутро заявился дед и выразил ноту протеста. Заняв непримиримую позицию, Михаил Павлович орал на сына и невестку:

— Вы с потрохами продались америкосам! Они хотят рассорить нас с Россией! Разорвать многовековые узы дружбы. Придет НАТО и сделает из Украины плацдарм для нападения на Москву. Вы заразились бандеровщиной и детей втягиваете в неонацизм! Знать вас не желаю, пока не одумаетесь!

Богдан Михайлович не стал перечить отцу. Одумываться тоже не собирался. Спустя неделю

вступил в Самооборону, а позже возглавил специальную Сотню, которая занималась выявлением провокаторов на Майдане.

В день расстрела Небесной Сотни пуля снайпера раздробила Скорику-старшему левую ключицу. Довелось три месяца отлеживаться в больнице, под неустанным присмотром жены. Ольга Петровна уволилась из поликлиники, чтобы выхаживать мужа, а после его выздоровления записалась в медслужбу Штаба Национального Сопротивления. Сутками дежурила в перевязочных Октябрьского дворца, а осенью 2014 года была мобилизована на работу в центральный военный госпиталь.

* * *

Юрко доехал до бульвара Дружбы народов. На выходе из метро дозвонился маме:

– Я уже на Печерском мосту. Бегу на троллейбус. Что случилось?

– Сама толком не знаю. Живу в операционной, – усталым голосом отозвалась Ольга Петровна. — Папа позвонил дежурному врачу и попросил передать, что его с работы забрали в милицию. Или в полицию. Сказал, что скоро повезут домой. Собираются делать обыск.

– Какой обыск?! Он же адвокат и бывший...

– Юра я ничего не знаю! – с надрывом выпалила мама. — Не могу сейчас все бросить и уйти. Приду вечером. Поезжай домой и держи меня в курсе. Пиши эсэмэски. Все! Меня зовут.

Связь оборвалась. Юрко сунул телефон в карман и запрыгнул в отъезжающий от остановки троллейбус. При этом терялся в догадках:

«Что могло случиться? Отец уважаемый и заслуженный человек. Отставной офицер МВД, бывший сотник Майдана. Какой может быть обыск?!».

Дождавшись конечной остановки, выскочил из троллейбуса и бросился бежать к перекрестку. Когда же повернул в переулок, то увидел возле ворот дома полицейский джип и микроавтобус с эмблемой полка «Киев-1». У распахнутой калитки прохаживались два автоматчика в полной амуниции: в бронежилетах, касках и матерчатых балаклавах, скрывающих лица.

– Куды поспешаете, юноша? — поинтересовался один из них, шагнув наперерез Скорику.

– Я тут живу. Пропустите!

– Наверное, сынок задержанного, — предположил другой и постучал пальцем по наушнику радиостанции. — «Борода», я «Хима»! Тут пришел родич арестованного. Похоже сынок. Ага. Понял.

– Не похоже, а сын! – с вызовом бросил Юрко, пытаясь протиснуться в калитку. — Не имеете права задерживать! Да что происходит?!

Здоровяк с позывным «Хима» уперся локтем ему в грудь и предупредил:

– А ну не борзей! Мы при исполнении. Не то щас наручниками к забору пристегну.

– Напугал! Может, стрелять начнешь?

– Вы бы успокоились, молодой человек, – вступил в разговор напарник здоровяка. — Мы вам не враги. Понятно, что переживаете за батьку, но придется обождать. Сами знаете, какова обстановка. Вчера под Радой солдаты погибли...

– Во-во, – поддакнул Хима и пробасил. — Не напирай, сказал! Соблюдай порядок, — кивнул в сторону дома и ехидно подметил. — Особнячок-то нехилый. На какие шиши отгрохали? Небось, папаша перед старой властью выслуживался?

Юрко взбеленился и сжал кулаки, но рассудительный спецназовец успел ухватить его под руку и оттащить в сторону. Оглянувшись, прикрикнул на Химу:

– Ополоумел что ли?! Мозги включи!

– А шо такого! Понастроили дворцов за народные деньги...

– Заткнись, сказал! Его батька на Майдане Сотней командовал. Ты тогда еще Киев не мог на карте найти.

Здоровяк засопел и демонстративно отвернулся. Скорик проделал тоже самое и спросил у благоразумного спецназовца:

– За что отца арестовали? Мне же положено знать.

В ответ тот молча развел руками, а Хима пробормотал, не оборачиваясь:

– Задержан за убийство. Понятно? Теперь обыск в хате проводят. Скоро заканчивают, поэтому приказали тебя не пускать.

У Юрка потемнело в глазах. Колени предательски задрожали и подкосились. Он обессиленно привалился к стене, стараясь глубоко и размеренно дышать.

Через минуту у калитки появился еще один автоматчик в балаклаве. Осмотревшись, посторонился, выпуская со двора конвойную процессию. Двое парней в штатском удерживали под руки Богдана Михайловича. Позади вышагивал сутулый жердьяй в дорогом костюме.

– Папа! – задохнувшись, выкрикнул Скорик.

– Я ни в чем не виноват! — отозвался отец. — Говорят, что кого-то убил. Понятия не имею, кого. Эти молчат...

– В машину его! Бегом! — раздухарился жердьяй.

Задержанного усадили на заднее сидение полицейского джипа. Но перед тем как

захлопнулась дверца, Скорик-старший прокричал:
– Меня подставили, Юра! Разыщи Мамаю!

Галерея Гетмана

Киев. 1919 год.

Последняя декада августа.

Четыре часа пополудни.

Как не старалась Анна Яновна скрыть недовольство, но выходило с трудом, да и выглядело лицемерно. Прохаживаясь по гостиной перед старинным напольным трюмо, она скептически осматривала свой наряд и вопрошающе поглядывала на гувернантку сына Саломею. Демонстрировала, что присборенная длинная юбка цвета выгоревшей травы и серая ситцевая кофта с баской сидят мешковато и придают внешности затрапезный вид.

– Вылитая торговка с Бессарабки, – подытожила Анна и глянула на ходики, висевшие в простенке меж зашторенных окон. – Уж ничего не поделать. На переодевание времени нет. Еще и косынку велишь повязать, Саломея?

– Всенепременно, пани. В лавру же идете, – закивала толстуха-бонна и погрозила пальцем воспитаннику, надзирававшему за происходящим

из-за двери детской. — Не препятствуйте, паныч, маменьке наряжаться. Видите, поспешает.

— По какой надобности маменька надела твои вещи? — поинтересовался босоногий малец годков 8-ми от роду, одетый в короткие штанишки и белую майку с арбузными кляксами на животе. — Пожитки ей явно не в пору. Своих вон полна гардеробная.

— Шел бы ты, Мишенька, грамматику повторять, — улыбнувшись, сказала маменька и объяснилась. — Совсем нежданно мне понадобилось наведаться в лавру, а вещей подходящих не оказалось. Возле церкви всегда прорва нищих и калек. Проходу не дадут, коль заприметят нарядную пани.

Саломея набросила на плечи хозяйки белую застиранную косынку и посетовала:

— Побирушки не так страшны. Нынче особливо мятежно на фронте. Поговаривают, что большевики вскорости сдадут Киев войскам Директории. А те вроде бы примирились с деникинцами. Интересно поглядеть, захотят ли золотопогонники брататься с петлюровцами. Как пить дать учинят резню. Клара Германовна сказывала...

— Не внимала бы ты бабьим сплетням, — отмахнулась от нее Анна. — Из-за пересудов у Мишеньки может пароксизм случиться. И без того

мечется во сне.

– Я отменно сплю, – насупившись, пробубнил сынишка. — Про войну мне Ванька иначе толковал. Красные нарочно уходят из Киева. Хотят, чтобы богатеи возвернулись. Потом одним махом порубят украинских сепаратистов с белогвардейцами и отымут золотишко у миллионщиков.

Хозяйка усмехнулась, косясь на опешившую бонну и подметила:

– А ты мне толкуешь про симпатию деникинцев к петлюровцам. Вишь, как дитяtko смыслит в политике нынешнего хаоса.

– Марш в комнату, паныч! — гаркнула на воспитанника Саломея. — Ванька, небось, наслушался росказней своего нетрезвого папаши. Спившийся жандарм — готовый провокатор.

– Иди, Миша, иди, – поддержала гувернантку Анна. — Когда ворочусь, мы непременно обо всем потолкуем.

Чмокнув дитя в щеку, она направилась к лестнице, кинувши мимолетный взгляд в зеркало. Спустилась на первый этаж и заглянула в кухню, где громыхала посудой розовощекая кухарка Хрыстя.

– Что с водой, Христина Павловна? С утра еще не подавали? — поинтересовалась и удивленно вскинула брови. – О! Да вы нынче в вышиванке!

– А как же! По случаю надела, – не

оборачиваясь, объяснилась грудастая молодуха. — Власть-то снова меняется. Поди, уж в десятый раз. А воды от пролетариев разве дождешься? Я спозаранку дала Степану опохмелиться, так он на радостях два ведра из дворницкой притащил.

– Может из бакалеи чего надобно принести?

– Все в ажуре, пани, – заверила Хрыстя и, глянув на Анну, выпучила глаза. — А вы чего в пожитки Саломеи вырядились? Власть же в другую сторону меняется.

– В Лавру надобно сбегать. Там столько попрошаек.

– Так сказали бы мне, – кухарка утерла о фартук ладони и похлопала по бокам. — Во! Самая модная нынче одёжа. Красные кажись, уходят, а вместо них наши в город придут.

– Наши, ваши, – выдохнула Анна Яновна. — Разве поймешь?

— Вы, пани, не надумайте в лаврской бакалее отовариваться. Нечего с тамошними спекулянтами дело иметь. Я завтра на Кловский спуск сбегаяю. Там селяне привозят к монастырю молоко и олию с картошкой. У знакомой тетки все задёшево выторгую.

Молча кивнув, Анна отворила парадную дверь. Спустилась с крыльца и, порассудив, повязала голову косынкой:

«Лучше уж сразу надену. Так и в голову не

напечет, и прическу не заметят. А то она и вовсе не подходит к наряду».

Летний день клонился к вечеру, а несносная жара донимала даже в тени. Парило, будто к дождю. На старых каштанах, стоявших караульными шеренгами вдоль всего Бутышева переулка, ни один лист не шелохнулся. Выгоревшая трава на газонах представлялась неживой, будто нарезанной из пергамента. Из-за жары на Никольской не оказалось ни автомобилей, ни бричек, ни одиноких прохожих.

Анна перебежала по раскаленной брусчатке на противоположный тротуар, намереваясь укрыться в тени Аносовского сада. Приостановилась, силясь отдышаться, и стала поправлять косынку. Как вдруг ощутила чей-то пытливый взгляд. Опасливо обернулась и заметила на ближней аллее военный патруль.

Прыщавый мальчишка-красноармеец важно вышагивал в авангарде, а двое усачей с трехлинейками за плечами, безучастно тащились следом. Сдвинув набекрень фуражку с красным околышем, недоросль заискивающе улыбнулся и повел бровью.

Анна ощутила, как лицо налилось кровью, и выступила испарина на лбу. Потупившись, развернулась на каблуках и засемила прочь, нашептывая то ли молитву, то ли защитный

заговор:

— О небо, снизойди! Отведи напасть. Нельзя именно сейчас провалиться. Каково же Мишеньке без меня будет. Не допусти, о небо! А то ведь прицепятся изверги и уволочут в чрезвычайку. За полгода такого в городе натворили! Будто мстят киевлянам за поддержку Скоропадского и помощь Деникину. Мне уж подавно не отвертеться.

Обернувшись, облегченно вздохнула и ускорила шаг. Красноармейцы, не оборачиваясь, удалялись вглубь парковой аллеи.

Во избежание подобных конфузов и дабы обойти стороной вереницу нищих у главных ворот Анна свернула в Лаврский переулок и прошелестела юбкой под аркой Всехсвятительской церкви. Постояла минуту, укрывшись в тени экономического корпуса и удостоверилась, что следом никто не увязался. Потом неспешно прошла мимо Успенского собора, трапезной палаты и спустилась к Южным воротам. Добравшись, наконец, до прохлады застучала каблуками по дощатому полу галереи, поспешая к ближним пещерам. Миновала площадку западной ротонды и спустилась по каменным ступеням к подножию стены Даниила де Боскета. Обогнула фундамент восточной ротонды и отыскала подходящее место в тени возле верхнего колодца.

После марш-броска волосы под косынкой

взмогли, и кофта неприятно липла к спине. Не смотря ни на что, Анну Яновну переполняло чувство окрыленности, граничившее с безмолвным ликованием. Умопившись на каменном парапете в тени столетней липы, она утерлась уголком косынки и вкрадчиво глянула по сторонам.

«Ничего, что заранее примчалась, – урезонила сама себя. — Зато огляжусь, как следует. Надо бы продумать ход беседы, чтобы на радостях ни о чем не позабыть справиться. Вопросов накопилось — тьма-тьмущая! Хоть и празднично на душе, но тревога первой туда закралась. Скребёт, досаждаёт изо дня в день. Совсем по-иному я представляла себе это тайное назначение. Уж восьмой годок пошел, а развернуться толком не выходит.словно крот сию в подземелье и копошусь в истлевших бумагах. Кабы не помощь Саломеи, не видала бы света белого. Поначалу казалось, будто в центре учинили надо мной розыгрыш для проверки смекалистости. Как иначе воспринимать шутовские титулы, средневековые способы связи, допотопные шифрограммы? Удумали всемогущего и никому не известного Латыря, коему должно безоговорочно подчиняться. Саму же удостоили паучьего титула. Потом как в страшной сказке превратили в мать-одиночку. Пожелала заполучить объяснения, так куратор куда-то запропастился. Напоследок оборвалась связь с центром. Довелось самой

разбираться с бумагами, агентурными цепочками и генеалогическим древом новых родственничков. Хотя уразумела сразу, что Берги из поколения в поколение были хранителями картотеки и архива «Сети», а титул «Мизгирь» передавался меж ними по наследству. «Латырь» — другое дело. Сие пафосное прозвище издревле присваивается в нужный момент очередному назначенцу из высшей киевской знати. Он и руководит украинским сектором «Сети». Мизгирь же, то есть я — связующее звено меж Латырем и центром организации. Ну а в центре как видно сидят еще те стратеги! Последние указания я получила в разгар мировой войны. Бестолковое содержание шифровки даже Саломею обескуражило. Зачем, к примеру, перелопачивать всю документацию предыдущего Мизгирия и отсылать копии в центр? По всему заметно, что раньше подобное не делалось. Но более всего утомило неведение, от которого хочется выть на луну. Одно утешение — Мишенька! И день сегодняшней, которого ждала столько лет. Благо, так и не рискнула связаться с немецкой разведкой, о чем настаивал Латырь в последней шифровке. Ему-то что — он невидимка, а меня поставили бы к стенке и вся недолга. Хвала небесам, отвело! Отчего же три года отмалчивался центр? И зачем следовало прибегать к застарелому варианту извещения?».

Накануне вечером в парадную дверь флигеля постучалась сгорбленная нищенка. Выпросила у Хрысти краюху хлеба, а в знак признательности наказала передать барыне картонную иконку. Кухарка исполнила просьбу, а хозяйка с замиранием сердца рассмотрела на обороте условный значок — чернильный оттиск летящей птицы. Так и поняла, что период неопределенности и выматывающего ожидания, наконец, закончился.

Согласно инструкции, Анна подержала картонку над пламенем свечи, и вскорости прочла проявившуюся под значком надпись: «Завтра в пять часов пополудни. Верхний колодец у ротонды де Боскета». Далее указывались пароль и отзыв.

Она невольно заулыбалась, припомнив, как беспокоилась из-за депеши и долго не могла уснуть. Встряхнув головой, засобиралась к колодцу. Намеревалась умыть лицо и утолить жажду, но так и обмерла на месте, услышав за спиной перекатистый баритон:

– Не ты ли справлялась о здравии схимника Аввакума?

Обернувшись, оглядела с ног до головы долговязого молодого монаха с жиденькой бородёнкой на скуластом лице и длинными, как у примата, руками. Поднялась и отчеканила отзыв:

– Не Аввакума, а Никона.

Удовлетворившись ответом, монах

поклонился.

— Пойдешь за мной, — негромко изрек и покосился в сторону ротонды. — Только не сразу, а когда за кусты зайду. По тропке дойдешь до поляны. Там я тебя встречу.

Послушно дождалась, покуда провожатый скрылся из виду. Оглядевшись, подалась следом. У колодца толпились в очереди с полдюжины прихожан, а рядом на парапете примостились двое нищих калек. Анна еще разок огляделась и удостоверилась, что никто не обратил внимания на их беседу с явной конспиративной подоплекой.

Пригибаясь и убирая от лица колючие ветки малины, она пробралась по едва заметной тропе вглубь зарослей. Вскоре набрела на полянку, где ее дожидался монах. Он снова поклонился и указал взглядом на сводчатую арку, темневшую за выступом опорной стены.

Рассмотрев в глубине приоткрытую дверь, Анна протиснулась в прохладный коридор, где довелось приостановиться. Пообвыкнув к темноте, увидела невдалеке тусклое свечение. Прошлась к нему и, приподняв подол, переступила каменный порог. Оказавшись в полутьме тесной комнатухи с нависающим потолком, придирчиво огляделась.

За дощатым столом, занимавшим добрую половину помещения, расположился лысоватый дядечка лет шестидесяти в солдатской гимнастерке

с расстегнутым воротом. Обрюзгшая, но гладко выбритая физиономия подсвечивалась тусклым фитилем керосиновой лампы, стоявшей посреди стола.

Он и не думал подниматься, дабы засвидетельствовать почтение даме. Лишь беспардонно тарачился и отвратно скалился.

– Наше вам с кисточкой, пани Мизгирь, – пропел голосом астматика и, переклонившись через стол, протянул растопыренную пятерню. — Вот и свиделись. Хотя мои люди уж пару дней за вами приглядывают. Так вы, стало быть, бухгалтером на скачках подвизаетесь? Неожиданно, но объяснимо. Как поживает сыночек Мишенька?

В негодовании Анна отступила к порогу и горделиво распрямила плечи. Осмотрелась, подыскивая место куда бы присесть и не найдя ничего подходящего выпалила с пренебрежением:

– Где вас обучали манерам, милейший?! Никак не ожидала от посланца подобной солдафонщины.

– Да бросьте вы, – отмахнулся лысоватый. — Вы, поди, тоже Смольного не заканчивали. Вашу биографию я изучил досконально еще до мировой войны.

– Тем не менее! Ведите себя подобающе! Без этой пролетарской панибратщины. Сейчас же предъявите верительный символ!

Посланник неторопливо поднялся, вышел из-за стола и одернул гимнастерку. Вытянувшись, по-гусарски боднул головой и щелкнул каблуками начищенных до блеска сапог.

– Прошу меня извинить, Анна Яновна! Дурака свалял-с! Но лишь с желанием убедиться, что революционный хаос и отсутствие связи не сказались на психике моей выдвиженки. Да-да! Не удивляйтесь! Именно я в 11-м году ходатайствовал о вашем назначении, а позже руководил внедрением. Правда, потом меня перебросили в Европу и лишили возможности попечительствовать над вами. Посему испытываю потребу прощупать свое протеже. Разумеется, не буквально.

– Или показывайте символ или я уйду, – настояла гостья.

– Куда вы денетесь! Лучше присядьте. Вон прямо на приступ или за стол, коль пожелаете. Символ, конечно же, при мне. Извольте, — он выудил из кармана офицерских галифе миниатюрный навесной замочек старинной работы и аккуратно положил на край стола. После чего заглянул гостье в глаза, наблюдая за реакцией и посетовал:

– Ох и намаялись мы, пока отыскиали ваш верительный символ. Прежнего связного еще в семнадцатом году большевики расстреляли. Случайно, знаете ли, по ошибке. Не успел,

сердешный, никого уведомить. Запасной канал связи тоже провалился. Агент пожег документы и сбежал в Маньчжурию. Наши люди взяли след, так он с перепугу застрелился. Поэтому вы так долго были без связи. Замочек мы отыскивали лишь недавно. Без него же к вам было не подступиться. Не говоря уже о Латыре. Связь с ним только через Мизгиря, то есть через вас. В общем, пока нашли захоронение в лесу под Тулой, пока там все перелопатили...

Рука Анны, тянувшаяся к замку, замерла в воздухе. Точеные пальцы с аккуратным маникюром мерно подрагивали. Она отшатнулась и, не моргая уставилась на собеседника.

Связной закатил глаза и шумно выдохнул.

— Да оставьте вы свое наигранное чистоплюйство! — выпалил с нажимом. — Неуместно изображать передо мной институтку, право слово! Я же сказал, что все об вас знаю, а после ознакомления с отчетом Латыря за 14-й год и подавно понял, что отнюдь вы не ангел. Уж он-то не пожалел для Мизгиря хвалебных эпитетов. Я имею в виду вашу командировку во Львов и личное руководство агентурой во время проведения акции «Русская Украина». Сколько тогда националистов из «Союза освобождения» поставили к стенке благодаря вашим усилиям?

— Не я же их расстреливала, — с отрешенным

видом заметила Анна, опасливо поглядывая на замочек. — Хотя вы правы. Мы вовремя расчистили плацдарм для русских войск в Галиции и на Буковине. Но в итоге России пришлось отступить...

— Зато войска оставили после себя голод и разруху. Чего и следовало добиться. Украинские территории из-за этого оказались в большей зависимости, чем ранее, а матушка-Россия снова тут как тут.

— Похоже, вы все знаете. Уж точно я перестаралась с образом. Немудрено. Два с половиной года в полном неведении. За это время столько раз власть менялась, что уже не знаешь, в каком образе выступать. Сейчас, сейчас.

Сдернув косынку, нащупала на шее цепочку и, потянув, сняла через голову. Продемонстрировала связному крохотный кованый ключик, висевший на цепочке рядом с почерневшим оберегом и, решившись, взяла со стола замок. Вставила ключик в замочную скважину, провернула несколько раз и уведомила.

— Подходит. Что ж я готова к разговору, но вы так и не представились.

— Всенепременнейше отрекомендуюсь, — заверил собеседник. — Для начала хотел бы выправиться комплиментом. Восхищен, увидев вас спустя столько лет! Особенно стрижка «а-ля

гарсон» вам к лицу. Не говоря о том, насколько она вписывается в дух революционного времени. Вот только одеяние слегка...

– Что ж мне, по-вашему, в «дельфос» от Пуаре наряжаться? В такую жару и на радость большевикам. Вещи эти не мои. Позаимствовала у бонны.

– У Саломеи, конечно же. О ней мне известно. Хоть в центре насторожились, когда без согласования вы ввели в курс дела рядового агента.

– Центру нужно было раньше об этом думать! – колко парировала Анна. — Еще тогда в 11-м году, когда к титулу представляли. Не посоветовавшись, искромсали мне биографию...

– Не искромсали, а выправили легенду, – подсказал связной. — Нынче так следует выражаться. Все это сотворил ваш покорный слуга. Для вашего и общего блага, между прочим.

– Как-то не ощущалось это благо. Поначалу думалось, что в центре надо мной учинили испытание. Проверку на чувство юмора. Вся эта вакханалия с мифическими прозвищами напоминала бред умалишенного. Мне же предписывалось играть роль племянницы покойного Иосифа Казимировича Берга. Якобы после его кончины провинциальная барышня на выданье оказалась единственной наследницей, которую он указал в завещании. Я все примерно

исполнила. Хорошо не успела хахалем обзавестись да с соседями перезнакомиться. Через месяц вломились посреди ночи два мордovorота. Предъявили верительный символ и вручили сверток с младенцем. Словно презент какой-то. Спасибо хоть уведомили, что из девицы на выданье я превращаюсь в одинокую мамашу. Да не простую, а воспитывающую единственного наследника древнего рода Бергов, из коего надобно вырастить достойного преемника. Я чуть умом не тронулась! Вы бы как на такое отреагировали?

Лысоватый повинно склонил голову и развел руками. Собирался ответить, но Анна спешно завершила:

– Только не подумайте, что я негодную или в обиде. Мишенька мне, как родной. Вернее не так. Моя кровиночка! Он ведь болезненным уродился и от этого еще роднее. Только руки до всего не доходят. Трудно одной воспитывать преемника и грамоте обучать. Замуж ведь запретили выходить.

– Я осведомлен обо всем. Никаких претензий к вам быть не может. Теперь будет полегче. Уверяю вас! Я собираюсь стать для вас и для Миши надежной опорой.

Анна заглянула собеседнику в глаза, желая удостовериться в искренности слов. Улыбнулась и скептически заметила:

– Опора, говорите. А все никак не соизволите

назваться.

– Ах да! Обращайтесь ко мне — товарищ Андрей.

От неожиданности она подернула плечами и отвернулась. Новоявленный пролетарий подхватил свое протезе под локоть и легонько подтолкнул к приступу у стены.

– Да присядьте вы, наконец! Довольно брюзжать! — наказал раздраженно. – Мы же сговорились, что пора выходить из образа. Чего вас так сконфузило от слова «товарищ»?

– Неожиданно как-то, – созналась Анна и послушно опустила на приступ. – Чудная метаморфоза выходит. Сначала пани Мизгирь, а потом вдруг товарищ Андрей. Хотя мне передавали весточку от Латыря, будто теперешний акцент будет поставлен на большевизме.

– Точно так-с. Кстати, о Латыре, — связной извлек из другого кармана галифе небольшой сверток и вручил Анне. – Передадите кондак со словами благодарности от руководства «Сети». Там новые шифры и указки на литературу для расшифровки.

– Может пора поменять устав секретности? Отчего Мизгирию не дано право, знать, кто такой Латырь? Я и так знаю, что он сидит на самом верху.

– Сего достаточно. Тем более что вскорости на Украине будет новый Латырь. И вообще, данный

вопрос не в моей компетенции. Лучше доложите о деятельности украинского сектора.

– Это вы так ерничаете? — переспросила Анна с ехидством. – Так я отвечу вашими словами. Не в моей компетенции! Или все еще прощупываете меня? Может, не доверяете?

– Да бросьте вы! О каком недоверии идет речь? Ваш древний род волынских ашкеназов не один век служил нам верой и правдой. Может, и с Бергами вы в дальнем родстве. Фамилия-то одна. Из-за этого ваша переброска в Киев и привыкание прошли как по маслу.

– Не совсем. В 15-м году пришлось побеспокоиться. Я только упорядочила документацию, как вдруг объявились дальние родственники жены Иосифа Казимировича. Обвинили меня в самозванстве и собирались отсудить флигель. Я смекнула и отправила шифровку Латырю. Он все обустроил. Родственнички словно испарились ... и довольно об этом. По агентурным звеньям я готова представить исчерпывающий отчет. Связь надежная и регулярная, то есть украинский сектор работоспособный. Правда финансы давно иссякли и многих агентов мы потеряли за эти годы. Латырь произвел замены в руководящих звеньях. На уровне цепочках тоже кипит работа. Нам бы еще денег на жалование.

— Где ж их взять? — пожал плечами связной, но поспешил заверить. — Вскорости все получите и даже с лихвой.

— Скорей бы. Кстати, многие финансовые вопросы мы решаем благодаря моей службе на ипподроме. Хоть сейчас и не до скачек.

— То-то и оно. Как бы большевики эту лавочку вовсе не прикрыли.

— Латырь держит данный вопрос под контролем. Главное, что наилучших лошадей мы успели вывезти и спрятать. Кто только на них не зарился.

— Знамо дело. Каковы перемены в близком окружении Латыря?

— Снова проверяете?! — вспыхнула Анна. — Ну, полноте же! Вам должно быть известно, что картотеку на приближенных агентов он ведет самолично. Сменится Латырь, тогда карточки на его приближенных попадут в архив. Такое вот несоответствие. Мне ж неведомо, сколько ртов под началом Латыря. Зато денег на жалованье подавай ему в срок да побольше...

— Опять вы за свое?! — повысил голос товарищ Андрей и отшутился. — Ответили бы ему, что агентам высшего уровня должно служить за идею. Думаю, структура украинского агентурного сектора скоро изменится. Новые инструкции предписывают единое обустройство. Учетные

документы со всех уровней будут храниться в архиве Мизгиря. Все, кроме личной картотеки Латыря. Хотя генеральная пертурбация лично вам не грозит. Архив украинского сектора образцово-показательный. За что вам велено передать благодарность руководства. Особо за выполнение секретного задания, о котором вам наказали не докладывать Латырю.

– Спасибо, конечно. Все одно я не уразумела суть этого задания. К чему было копировать все документы, прошедшие через руки Иосифа Казимировича Берга и переправлять их в центр?

Связной поморщился и сменил тему:

– Надеюсь, что учетные карточки с периферии поступают регулярно? На местах хоть нет неразберихи?

– Да как вам сказать. Сами понимаете... – Анна собиралась снова упомянуть о финансировании, но перехватив недобрый взгляд собеседника, передумала. – Мне регулярно передаются сведения о перемещениях на местах. Вербовка проходит без особых сбоев. Все заждались новых инструкций.

Посланец уселся за стол, извлек из замочной скважины ключик и, передав его Анне, сунул замок в галифе. Закивал и ободряюще изрек:

– Оно и неплохо, что наши с вами полномочия ограничены. Меньше спросу. Посему объявляю

официальную часть переговоров завершённой.

– Как так?! — воспротивилась Анна. — Вы же толком ничего не сказали о нововведениях. Понятно, что указы адресованы Латырю, но он же не сразу передаст их по цепочкам. Я столько времени ждала. Что ж мы с вами не можем посеCRETничать? И учитывайте женское любопытство, пожалуйста.

– Ох уж мне эти дамочки-агентессы. Без пересудов никак, — пробубнил посланец. — Хоть вы для меня не чужой человек, но придется дожидаться указаний Латыря.

– Ну, товарищ Андрей! Хоть чуточку о чем-нибудь этаким поведайте! Я ведь не усну! К примеру, что будет с Киевом? Какая перспектива для украинских губерний?

Связной заулыбался и погрозил перстом настырной барышне.

– Вы и мертвого уговорите. Ладно, поведаю, только вкратце. Так что же вас интересует, прежде всего?

– Большевизм. Получается, что сей шабаш надолго?

– Точно так-с. Процесс дальнейшего разрастания и укоренения необратимо многолетний. Не только на землях великой империи. Зараза поползет дальше в Европу, а «Сеть» не станет этому препятствовать. Любые

масштабные новообразования нам только на руку, хотя задачи у нас иные, которые извечно неизменны.

Анна вскинула голову и выпалила на одном дыхании.

– Это свято! Сохранение фундаментальной державной основы при любом общественно-политическом строе. Дальнейшее разрастание империи, процветание и усиление ратной мощи.

– Хвалебно, Мизгирь! Давайте-ка, я и вправду расскажу, что намечается в Киеве. Вам сгодится. Думаю, не секрет, что большевики вскорости оставят город. Реввоенсовет уже принял решение. Конечно, не без подсказки нашей агентуры. Данный шаг весьма оправдан. Сразу после ухода красных в город войдут войска Директории и белогвардейские отряды генерала Бредова. Случиться это должно одновременно. Мне доподлинно известно, что наша агентура в штабах упомянутых формирований давно подготовила почву. Деникин и Петлюра уверены, что выступают, как союзники, но в центре разработали комбинацию, которая мигом их поссорит. После раздора более сильные белогвардейские части выдворят петлюровцев из Киева. В результате в армиях УНР и УГА начнется раскол. Галичане, скорее всего, подадутся восвояси, ведь местное население их не поддерживает.

Запорожцы, которым чуждо единоначалие, как пить дать разбредутся по партизанским отрядам. Все это приведет к тому, что Петлюру заподозрят в измене и в результате объявят врагом Украины. Сие в грядущем, а теперь доколе в городе будет неразбериха, красные успеют перегруппироваться на подступах, дожждаться подкрепления и взять город. Ко всему ожидается, что в Киев возвращаются богатые обыватели. Комиссарам будет, чем поживиться. И пусть себе укрепляются и осваиваются. В недалекой перспективе намечено отдать часть Украины полякам. На меньшей территории ленинцам будет легче править, но раздача земель — это лишь временный и вынужденный шаг. Лет через двадцать большевики окрепнут и займут европейских союзников. Попомните мое слово, что этот союз будет направлен на захват и передел тамошних территорий. «Сети» и это на руку.

Анна Яновна округлила глаза, но жестом передала, что не осмелится комментировать услышанное. Рассказчик одобрительно кивнул и продолжил:

– Теперь о задачах для местной агентуры. То бишь о том, что необходимо исполнить до возвращения большевиков. Во-первых, следует развернуть масштабную пропагандистскую работу, приняв во внимание, что русская составляющая

киевлян не поддерживает УНР. В то время как украинцы терпеть не могут белогвардейцев. Агентуре предписано, всячески углублять эти разделяющие тенденции.

– К чему такая сумятица?

– Чтобы в итоге склонить обе части населения к симпатии большевикам. Убедить, что только красные ратуют за равноправие и самоопределение наций. Кстати у них уже намечены шаги по обустройству будущей украинской советской республики. Главным фактором поддержки населения станет украинизация с одной стороны и укоренение русского населения с другой. Для этого запланировано массовое переселение русских на правобережье. Украинизация, как вы понимаете, будет неполной и продолжится до определенного времени. Просто на первых порах украинцам нужно дать стимул. Такова стратегическая цель.

– А Донбасс? Как в центре относятся к тому, что там творится? Особенно после того, как Центральная рада закрепила в «Универсале» новые границы Украины и внесла туда индустриальный район. Прошел слух, будто этот шаг согласован с Лениным. Потом вдруг националисты закрыли границы от красных и стали заигрывать с Калединым и Антантой. Говорят, что на Донбассе из-за этого восстание. Гражданская война.

– Враки! Все это происки большевиков. Их

отлаженная пропагандистская кампания накануне масштабного вторжения. Ленину не выгодно, чтобы народ заранее дознался, кто на самом деле положил глаз на Приднепровье и весь индустриальный регион. Туда нацелились русские промышленные магнаты. Оттого красные и нагнетают обстановку им в угоду, дабы вызвать возмущение местного населения политикой Центральной рады. Дескать, националисты не выполнили обещания предоставить Донбассу статус административно-экономического района.

– Теперь понятно для чего ведутся тайные переговоры с германцами. Похоже, Центральная рада заинтересована, чтобы они контролировали всю территорию Украины. Чтобы вместе противостоять большевикам. Связной Латыря поведал, будто немцы спят и видят себя хозяевами на Донбассе и в Приднепровье.

– Еще бы! – хмыкнул товарищ Андрей. — Вся промышленная база того региона возведена за счет европейских капиталовложений. Еще в середине прошлого века на Донбассе обосновались бельгийцы. Позже к ним присоединились немцы, французы, англичане. Долгосрочные вложения иностранного капитала помогли Российской империи преодолеть кризис после крымской войны. Европейцы возвели заводы, основали города, модернизировали шахты и рудники. Подняли

Донбасс до европейского уровня. Кто ж по своей воле откажется от такого жирного пая? Большевикам без Донбасса никак нельзя. Поэтому по указке русских богачей они занялись образованием мифических государств. Выдумали Донецко-Криворожскую республику.

– Стало быть, красные не отдадут Донбасс Украине?

– Будут упираться до последнего, чтобы побольше заграбастать. Потом, скорее всего, отступят. У русских нет исторических обоснований, считать Донбасс своим. Зато имеется опыт коверкать историю. Не иначе что-нибудь выдумают. Предполагаю, что Донбасс останется частью советской Украины, но распоряжаться там будут из Москвы. Есть данные, что большевики собираются национализировать тамошние предприятия. Не зря же они выдворяют иностранцев назад в Европу. Но фактическими собственниками заделываются русские магнаты. Сейчас по их указке формируются отряды голытьбы из русской глубинки и переправляются на Донбасс. Кому-то же надо поднимать регион из руин. Украинцы в основном живут в деревнях и заняты на земле, а ссыльные, уголовники и прочая пьвань отстроят Донбасс за гроши. Заодно русифицируют города.

Анна сокрушенно покачала головой и

отметила:

– Представляю, что из этого выйдет. С капиталистического уровня да напрямик в феодализм.

– Так задумано товарищем Лениным, – подсказал связной. – Почитайте на досуге его тезисы о праве наций на самоопределение. Но в целом политика большевиков не нарушает планы «Сети». Кстати о национальном вопросе. Расскажу, какая участь ожидает киевских евреев. Могу предположить, что данная тема лично вас не порадует.

– Не извольте беспокоиться. Ашкеназы лишь стояли у истоков нашего древнего рода. Я же считаю себя полькой, хоть наполовину немка. В конце концов, я давала присягу! Ну а вы, товарищ Андрей, еще тот скромник. Твердите, будто обделены полномочиями. На деле прекрасно осведомлены.

– Что естественно, – подтвердил посланник, постучав пальцем по виску. — Все инструкции из кондака у меня здесь. На случай, если бы пришлось от него избавиться. Так вы будете слушать о евреях?

— Непременно.

— Тогда знайте, что намечаются погромы. Пока в Киеве будут хозяйничать деникинцы, агенты провоцируют крайнее недовольство горожан

евреями. Это весьма просто. Достаточно раздуть слухи, будто еврейское население поддерживает приход большевиков.

Пытаясь удержаться от реплики, Анна заерзала на приступе. Собеседник хмыкнул и подначил:

– Екнуло-таки сердечко. Только не стоит волноваться из-за незначительного акта устрашения. Никакой Варфоломеевской ночи не случится. Латырю предписано нанять побольше крикунов, как это было в апреле 18-го на съезде хлеборобов. Помните, тот форменный цирк в цирке? Зато в итоге Скоропадский стал гетманом.

– Как не помнить. Я в стороне не стояла. Деньги через меня рекой текли. Только крикуны и теперь немало запросят.

– Вижу, что вы исправный бухгалтер. Крикунам особо не за что будет платить. Они лишь учинят шум в еврейских кварталах. Малость пострадают тамошних обитателей, дабы отвести от симпатии к белогвардейцам накануне возвращения красных. Пресса раздует шумиху, что отныне следует надеяться только на большевиков. Важно чтобы Латырь не связался с черносотенцами. Те могут натворить делов, а оплату истребуют золотом.

— Деньги нужны в любом случае. У меня лишних нет! Золота и подавно.

— Вот настырная! — проворчал товарищ Андрей и поведал. — Не стоит тревожиться. На еврейскую акцию средства доставлены. Деньги у монаха на конспиративной квартире. Отныне он ваша тень.

— С чего бы это?! — вспыхнула Анна Яновна. — Надзирателя приставили? Еще говорите о доверии!

— Никакого надзора. Кличут жердя Поликарпом и монах он только по легенде. На самом деле — боевой офицер, сапер и опытный горный мастеровой. В его подчинении без малого три десятка хлопцев, знающих окромя стилетов и наганов горное ремесло. Отряд расквартирован в городе, но теперь они зачествят в лавру под видом монахов, прибившихся из дальних скитов. С настоятелем договорено. Отряду Поликарпа поручено выяснить, куда в 17-м году тогдашнее духовенство припрятало лаврские сокровища. Большевики всех расстреляли, а золотишка так и не нашли. Если дело выгорит, то вопрос о финансировании украинского сектора будет решен. Но главная их задача, это силовая поддержка Мизгиря, а если понадобится — Латыря. Времена нынче мятежные.

Анна заметно взбодрилась, нетерпеливо ерзая на приступе. Дождалась, пока связной замолчал и обрадованно залепетала:

– Ой, как удачно все складывается! Не знаю как Латырю, но мне позарез нужны эти монахи.

– Быстро же поменялась риторика! Вот и славно. Позже обсудите с Поликарпом схему связи.

– Если ипподром не закроют, сработаем через тотализатор. Старая проверенная схема. Но вы упоминали о грядущей смене Латыря. Теперешний разве плох или настало время?

– Точнее новейшее время. Посему Латырь понадобится с иным мировоззрением. Ему предстоит сформировать большевистский костяк из числа завербованных руководителей властных и силовых структур. Первейшим делом развернуть пропагандистскую кампанию, направленную на украинизацию.

— Странная тактика. Разве она не идет вразрез с политикой большевиков?

— Отнюдь. Все будет под лозунгом: «За независимую советскую Украину!». Украинизация поспособствует тому, чтобы большинство украинцев поддержало подписание союзнического договора с советской Россией. На том она и закончится. А главная профильная задача, это укрепление единой агентурной вертикали в украинском секторе. Лично вам предписано истребовать со всех уровней обновленные агентурные данные. В первую очередь из крупных городов Украины и районов, где есть дееспособные

ячейки. Аналогичные мероприятия следует провести среди агентуры в силовых ведомствах. Отныне вся информация должна незамедлительно стекаться в Киев. Параллельно следует усилить работу по вербовке двойных агентов из числа большевистских и националистических сексотов. Наверное, это все.

Докладчик уселся за стол и вопрошающе глянул на собеседницу. Анна поднялась и задумчиво молвила:

– Понятно, хотя и не вполне. Вы сказали, что Киев останется центром украинского агентурного сектора. Но большевики объявили, что столицей советской Украины станет Харьков. Вдруг руководителю тамошней ячейки вздумается оспаривать пальму первенства?

– Исключено! Никаких тяжб из-за власти быть не может. Столицей рано или поздно будет Киев. Если выразиться современным языком, то Латырь заполучит соответствующий мандат о том, что именно он является главным распорядителем украинского сектора. Вы же остаетесь главным архивариусом. Скарб династии Бергов считается найдревнейшим, бесценным и наиболее упорядоченным архивом.

– Моя заслуга в том мизерная. Но позвольте высказать опасение. Из всего вами сказанного получается, что наряду с нашей агентурой всюю

действует агентурная сеть большевиков.

– Бесспорно. Оттого я упомянул о вербовке двойных агентов. В центре осознают, что Ленин собирается пойти проторенной исторической дорожкой. Как и все русские самодержцы станет захватывать и объединять вокруг Москвы новые территории. Будет наделять их кажущейся самостоятельностью. На деле же лишит фактического права самоопределения. Для этого ему нужна мощная разведывательная структура. Благо на первых порах большевикам придется привлекать тех, кто служил царю-батюшке. Среди таковых две трети агентов «Сети».

– Тогда вопрос о религии. Среди священников немало наших агентов, а большевики настроены против церкви.

– Это временно. Им же надо что-то предпринять для укоренения идеи материализма. Но коль скоро Владимир Ильич унаследует самодержавную политику, то быстренько подкорректирует отношение к церкви. Думаю, станет ратовать за негласное сотрудничество с церковнослужителями. С теми из них, кто разделяет большевистские тезисы. Для этого координаторы центра подскажут близким соратникам вождя древний принцип единой обязательной религии. Испокон веков православие поддерживало самодержавие, а большевизм — такой же

императив, только завуалированный. Ко всему церковники привносят в казну немало денег ... и довольно о службе! Напоследок вынужден затронуть болезненную для вас тему. Как, по-вашему, Михаил Львович подрастет достойным преемником? Поймите, я же должен доложить.

Анна потупилась, передернув плечами.

— Какого ответа вы ожидаете? — проговорила чуть слышно. — К примеру, могу сообщить, что ввиду болезни Миша не справится. Что случится после такого заверения? В центре подыщут нового преемника? Заодно и Мизгиря?

— Типун вам на язык! Всем известно о врожденном пороке сердца и ревматизме у Мишеньки. Ничего доброго в том нет, но и смертельного тоже. Соображением он не обижен, а главное, под ружье из-за болезни не поставят. Могу пообещать, что недуги мы непременно подлечим.

— Ой, ли? Прямо благодетель.

— Сомневаетесь? Тогда мне придется во многом признаться. Прежде я был знаком с родителями Миши. Был их куратором и лично внедрял в отряд террористов, готовивших покушение на Столыпина. Их раскрыли накануне проведения акции. Благо Мишенька был в другом городе на попечении родственников. Ему всего 3 месяца исполнилось. На счастье именно в ту пору проходила операция по вашему внедрению. Меня

осенило, дескать, представился случай обустроить жизнь крестника. Будто знал, насколько он будет вам дорог. Помилуйте, но мне известно, что после давнего ранения вы лишены счастья материнства. К тому же вопрос о наследнике рано или поздно бы возник. Посему не серчайте на распорядительство вашей судьбой и простите мне излишнюю фамильярность. Я в отцы вам гожусь. Посему примите Христа ради вашим и Мишенькиным крестным. Иль снова станете ершиться?

– Приму без сантиментов. Отчего же не принять, – молвила Анна дрогнувшим голосом и промокнула глаза краем косынки. – Уж не помню, когда плакала. Зато теперь все понятно стало и на душе полегче. Как вас по отчеству величать? Вправду ведь в батюшки годитесь. Я-то своих родителей не помню.

– Андрей Демьянович. Прошлым летом разменял седьмой десяток. Бывший офицер и дворянин.

Припомнив о чем-то, Анна Яновна всполошилась. Поднявшись на ноги, азартно залепетала:

– Засмущали вы меня! Чуть не позабыла о главном высказать. Как же ко времени объявился Поликарп со своим отрядом! Вы упомянули о шифровке с моим отчетом по бумагам прежнего Берга. То было в конце 15-го года. Тогда же я

уведомила, что архив не умещается в бункере и опасно его держать близко к дому. Времена-то...

— Читал-с, — остановил ее посланец. — Согласен всецело. Я давно курирую украинский сектор. Одно время подменял связного Иосифа Казимировича Берга. Проблема с бункером возникла еще в прошлом веке, и мы пытались ее разрешить. Я доставал для Берга австрийский цемент по дешевке и влаговпитывающую гашеную известь. Подъемник помог отремонтировать, а то он грохотал неимоверно. Притом настоятельно рекомендовал не расширять бункер собственноручно. Настаивал, что следует оговорить вопрос с Латырем и уведомить центр. Так Берг разве послушался? Заходился втихаря копать, а в итоге себя сгубил и вся семья сгинула. В центре считают, что Иосиф мог докопаться до какого-то древнего захоронения и заразиться смертельной болячкой. От нее Берги и представились в один месяц.

— Выдумки! В тот год люди без болячек умирали, как мухи. Иосиф Казимирович успел прорыть неглубокую нишу. В ней точно нет никакой заразы и по давню захоронения. Может просто настал его час? Как теперь для Латыря.

— Вопрос не ко мне, — обронил связной и отвел взгляд в сторону.

— Иного ответа я не ждала. Только новый

бункер строить все равно придется. Сундуки уже в проходе стоят. Подступа никакого, вентиляция не справляется. Известь меняем чуть ли не каждую неделю. Саломея по ночам в мешочках выносит под юбкой. Таскает на склоны и выбрасывает в сточные колодцы. Что если соседи заподозрят?! Кухарка норовит сунуть нос, куда не попадая. Так и облавы с обыском дождемся. Бункер сокрыт надежно, но расширять его бессмысленно. Лучше перепрятать архив подальше от флигеля. Для этого мне пригодится Поликарп. Я нашла среди бумаг старинную карту подземных ходов под Печерском. С ее помощью мы вмиг разрешим проблему. Вы слышали когда-нибудь о галерее Гетмана?

— О подземном бульваре Мазепы? Выдумки! — отмахнулся связной. — Покойный Иосиф норовил найти, да потом плюнул.

— Мы с Поликарпом отыщем! Я изучила карту и подобрала нужную документацию. Галерея существует. Ее прорыли по указке Мазепы от военного собора к женскому монастырю, где настоятельницей была матушка гетмана. Заодно связали с подвалами его дворца.

— Дворец и монастырские постройки давно разрушены.

— Зато подвалы уцелели. На месте монастыря сооружен пушечный арсенал. Мой человек проверил — оттуда можно пробраться в галерею,

хотя проход завален. Или же из подвалов военного собора, только нужны специалисты по проходке. Думаю, для Поликарпа это пара пустяков. Главное что из галереи до бункера под флигелем рукой подать. Всего-то четверть версты надобно прокопать в лессовом грунте. Обустроить в галерее новый бункер и перетащить туда архив.

— Ну не знаю, — засомневался Андрей Демьянович. — Как же вековые традиции? Со времен Иоанна Грозного архив хоронится под флигелем Бергов. Лишь только для этого он был пристроен к дому купца Бушиченко. Ваша затея потребует генерального подхода и немалых денег, — помолчав, он хитро сощурился. — Да ничего не поделать с крестницей! Пообещал ведь опеку и поддержку. Преподнесу так, что в центре одобрят затею. Заодно оценят мое участие. Конечно, если галерея Гетмана и вправду существует.

— Не извольте сомневаться, — заверила крестного Анна Яновна. — Никакой голословности. Откуда, по-вашему, я знаю про заваленные проходы? Только надобно поспешать. Власть чуть ли не каждый день меняется.

— Об этом побеспокоится новый Латырь. Думаю, ко дню назначения успею доставить для него кондак с указаниями относительно архива. С Поликарпом ты уж сама утряси вопрос. Хватка у тебя еще та, Аннушка!

Бересты

Киев. 1 сентября 2015.

Вторник. 14.30.

Полицейский джип укатил к перекрестку и скрылся за поворотом. Следом прошелестел покрышками спецназовский микроавтобус.

Ошеломленный Юрко стоял у распахнутой калитки, привалившись спиной к забору. Не было сил двинуться с места, равно как осмыслить произошедшее. Сознание выдало на-гора череду запутанных вопросов:

«Какое убийство? На кого мог поднять руку отец? Каким образом его подставили и кто? Мамай здесь причем? Где я его найду? Но что-то же делать надо? — оглядевшись, решился. — Бегом домой! Хватит отсвечивать на глазах у соседей. Хотя уже поздно. Сплетен не избежать. Ну и плевать!».

Заперев калитку, поднялся на крыльцо и с порога зашвырнул рюкзак подальше в коридор. Растерянно огляделся и присвистнул. Повсюду виднелись последствия обыска. Ящики обувной тумбы и одежного шкафа наполовину выдвинуты, по полу разбросаны обрывки газет, журналы и шлепанцы домочадцев. Нечто похожее творилось в

кухне.

«К чему все это? — недоумевал Скорик. — Ничего же не нашли, только бедлам учинили. Сам убирать не буду. Не могу и не хочу! Дарка заявится, тогда наведем порядок. Первым делом нужно утихомирить мозговой шторм».

Умылся над кухонной раковиной, обмакнул лицо полотенцем и повалился на диван. Прикрыв глаза, попытался восстановить ход событий. При этом старался объективно оценивать свои действия и реакцию на поступки окружающих. Такому методу упорядочения психики его и Дашу научила мама. Методика пригодилась еще в старших классах, когда извилины частенько подгорали от шквала учебного материала.

Перелистывая в памяти страницы первого осеннего дня, подобрался к моменту пустой ссоры с Амикой. Отругал себя за горячность и чуточку оправдал. Удовлетворился результатом, после чего неожиданно отключился.

Проснулся от того, что кто-то теревит его за колено. Приоткрыл один глаз и содрогнулся, будто по телу пропустили электрический ток. Зареванное лицо сестры напоминало маску паяца.

— Просыпайся, просыпайся, обормот! — причитала Дарка. — Я с ума схожу, а он дрыхнет. Где папа?!

Остатки макияжа на лице и ворот футболки

представлялись единой палитрой из-за радужных разводов от потекшей косметики.

Юрко потер кулаками глаза, проморгался и пробурчал:

– Кончай бузить, сеструня. Слезами делу не поможешь. Иди, умойся и переоденься. Вдруг мама заявится. Перепугается вусмерть!

Даша попятилась, осматривая футболку. Мимоходом глянула в зеркало на стене, охнула и выбежала из кухни. Скорик нехотя поднялся, долил воды в электрочайник и, включив нагрев, вытаращился в окно.

«Ни фига себе дреманул! — подметил, присвистнул. — Уже темнеет. Не успеем прибраться до прихода мамы. Дарку и подавно не успокоить».

За спиной, будто в знак согласия послышался слезливый голос сестры:

– Не юли и говори, как есть. Вечно меня все жалеют. Чувствую себя семейным изгоем. Про папу узнаю от чужих людей. Маме позвонила, а она говорит, что Юра должен выяснить. Ну, так рассказывай!

– Не нукай! Колись от кого узнала про папу.

– Нинка Шумейко позвонила. Ты же знаешь Нинку-перлынку? Мы с ней учились в одном классе.

– Дочь дяди Вадима что ли? Знаю, конечно.

Помнишь, как он нас катал на своем байке? Мама тогда истерику закатила...

— Щас я истерить начну. Мало не покажется! — пообещала Дарка. — Выкладывай, что с папой!

Юрко задумался, подбирая дипломатичный вариант ответа, но мысли путались из-за того, что окончательно не проснулся. Встряхнул головой, учел Дашкину просьбу не юлить и выпалил:

— Папа в полиции за убийство.

— Ужас какой! Ты что бредишь?! — сестра схватила его за грудки и засыпала вопросами. — Какое убийство?! Мама знает? Бабушке с дедушкой как сообщить?

— Да отпусти ты меня! Больше слова не скажу, пока ни успокоишься. Что тебе Нинка наплела?

Даша отступила на шаг и отвернулась, тихонько всхлипывая. Немного успокоившись, присела на диван и рассказала:

— Нинка пришла домой после ночной смены и легла спать. Проснулась и услышала, как папа разговаривает по телефону. Он с Ляховым говорил. Помнишь такого?

— Еще бы! Бывший друг отца и в прошлом не последний человек на Банковой. Постой! Как Нинка узнала, что дядя Вадим именно с Ляховым разговаривал?

— Он его Ляхом называл. Спрашивал, не по его

ли указке Бодю захомутали. Потом заматерился и все.

Юрко подсел к сестре и обнял за плечи.

– Может, прав дядя Вадим насчет Ляхова? — предположил с задумчивым видом. — У того вырос зуб на папу еще с Майдана и возможностей для подставы полно. Почему же отец не догадывается? Про Ляха ничего мне не сказал. Попросил разыскать Мамаю.

– Интересно, зачем? Они давно рассорились.

– Об этом лучше спросить дядю Вадима.

– Ты что?! — всполошилась Дарка. — Получится, что я Нинку заложила. Даже не думай... Ой! — вздрогнув, она прильнула к брату и зашептала. – Кто-то в дом прокрался. Пойди, глянь.

Скорик успел привстать, но в кухню заглянула Ольга Петровна. Вдохнула и прошлась босыми ногами по кафельному полу, подбирая разбросанные журналы, блокноты с рецептами, салфетки. Свалила на стол, приложила палец к чайнику и, отдернув руку, заходилась выставлять чашки из серванта. Не оборачиваясь, принялась ворчать:

– Все кругом открыто, окна нараспашку. Вас на Тимирязевской слышно. В доме бардак. Спасибо, хоть воду вскипятили, – передохнув, перешла к вопросам. – На кого ты похожа, Даша? Юра, что ты узнал? Папу видел? По какому поводу

Шумейко вспоминали?

Юрко подошел, молча взял ее за руку и, проводив к дивану, усадил рядом с Дашей. Ольга Петровна не сопротивлялась, лишь поглядывала на чад, и устало улыбалась. Не сдержавшись, всхлипнула, закрыла ладонями лицо и разрыдалась в голос.

– И ты туда же, – укорил Юрко. — Кое-как Дарку успокоил. Не хнычь! Порядки мы быстро наведем.

– Да я не поэтому. Вымоталась вконец, — объяснилась сквозь слезы мама. — Не обращайтесь внимания. Вы, наверное, голодные? Юра, наливай чай, пока Даша бутерброды сделает. Удачно с работы вырвалась. Спасибо папиным коллегам. Нагрянули в госпиталь и напрямиком к начальнику отделения. Чуть ли не силой увезли меня домой. По дороге познакомили с адвокатом отца, потом умчались в полицию.

– Зачем адвокат невинному? – спросил будущий юрист и сам же ответил. — Хотя без адвоката нельзя. Значит, он знает, в чем папу обвиняют?

– Убит Гена Рябоконь, — едва слышно ответила Ольга Петровна. — Папе объявили подозрение.

Дарка схватилась руками за голову и залопотала:

– Полнейшая бредятина! У меня мозги закипели! Сколько лет о папиных друзьях ни слуху, ни духу, а тут в один день, будто лавиной накрыло. Дядя Вадим, Ляхов, Рябоконь. Они же с детства знакомы.

Юрко прикипел к полу, опасаясь уронить поднос с наполненными до краев чашками. Бережно поставил его на стол и сказал с укором:

– Неужели не ясно, мама? Они же все бывшие бересты. То, что случилось с папой связано с давней историей, которую вы скрываете от нас. Деду с бабушкой наказали молчать.

– Хорошо, что напомнил, – Ольга Петровна попыталась сменить тему. — Дедам пока ни слова, а то болячки повоспалят. Я что-нибудь выдумую.

– Не увиливай! – настоял Юрко. — Самое время раскрыть семейную тайну. Дарка не всех берестов упомянула. Папа наказал разыскать Мамаю.

– Толю Замайского?

* * *

Богдан Михайлович Скорик и Анатолий Дмитриевич Замайский познакомились и сдружились в детсадовской песочнице. Приписанное к заводу «Арсенал» дошкольное

учреждение размещалось на днепровских склонах недалеко от гарнизонной комендатуры. Позже неразлучных друзей определили в престижную по тем временам школу № 75 на улице Андрея Иванова. Там они проучились 10 лет в одном классе.

Дарка и Юрко знали об этом из рассказов прародителей, потому что отец старался избегать разговоров о своем взрослении. Отстаивал позицию, что если ворошить прошлое, то можно забуксовать в настоящем и не успеть в будущее.

Особо замалчивался период, связанный со сплочением подростковой компашки под названием «Бересты». Богдан обозвал ее группировкой и сформировал на пару с Толей Замайским. Заводилами считались Вадик Шумейко, Генка Рябокось и Васька Ляхов. Столь необычное название друзья позаимствовали из истории древнего Киева. Во времена Киевской Руси на месте парка Славы простиралось лесное урочище Берестово, а названо было из-за бересты, которую местные жители заготавливали на днепровских склонах.

Бересты хулиганили в меру, оттого и не прослыли отпетыми гопниками на районе. Группировкой назвались для понта, следуя веяниям тогдашней предперестроечной моды. Дружная компашка интеллектуально развитых парней и

девчонок со временем возымела авторитет. При случае бересты могли вписаться в разборки и дать отпор местной или залетной шпане. Но первыми никогда ни на кого не нападали.

Отдавали предпочтение рок-музыке, естественно зарубежной. Увлекались спортом и прослыли преданными болельщиками киевского «Динамо». Футбольными фанатами, как принято теперь выражаться. Не гнушались шумных тусовок с гитарами, кассетными магнитофонами и умеренным количеством горячительных напитков. Для посиделок застолбили укромное местечко на днепровских склонах — скрытую от посторонних глаз поляну вблизи развалин Зеленого театра. Даже название придумали: «Бонсай».

На бонсае бересты собирались по вечерам и частенько засиживались до глубокой ночи. Повзрослев, обзавелись половинками, хотя и не все. Причем объект воздыхания принято было находить среди своих. Но иногда кто-нибудь да осмеливался привести на бонсай кандидата в спутники или спутницы со стороны. Новичков подвергали шутивным испытаниям и торжественно посвящали в бересты. Похожим образом появилась в компании симпатичная и общительная девушка Ира с Липок. А привел ее на бонсай долговязый балагур Генка Рябокось. Ира быстро освоилась, подружившись с доброй половиной тусовщиков.

Прошли годы. Настала пора возмужавшим берестам разлетаться по бескрайним просторам страны и за ее пределы. Только лидеры группировки оставались на месте. По неизвестной причине Толю Замайского не призвали в армию, и он из-за этого ничуть не переживал. Дальнейшими планами делиться не стал, отчего никто не догадывался, как Мамай собирается зарабатывать на жизнь.

Позже случилось так, что в один год Богдан Скорик, Вадик Шумейко, Вася Ляхов и Генка Рябоконт дружно провалили вступительные экзамены в разные столичные вузы. Потому оказались все вместе на одном призывном пункте. Правда, служили раздельно: Богдан — в десанниках, Шумейко и Ляхов — в танкистах, а Генка — в стройбате. Зато демобилизовались одновременно и повстречались в один из вечеров на бонсае.

Тогда и узнали, что около года назад Замайский куда-то запропал. Его родители купили квартиру в новом микрорайоне, а сам он то ли подался на заработки, то ли угодил в тюрьму.

Доведались и об измене. Ира с Липок не дождалась Рябоконтя из армии и закрутила роман с тихим неприметным пареньком из их компании по кличке Ампер. Генка здорово переживал, но разборку учинять не стал — замкнулся в себе, а

бересты предположили, что Ира устала мириться с пристрастием Рябоконя к спиртному. И хоть роман с Ампером продлился недолго, а девушка потом повинулась перед Генкой — нетрезвый Конь занял непримиримую позицию. Раз и навсегда отверг изменницу. В итоге Ира с Липок перестала бывать в компании берестов.

Жизнь потекла своим чередом, а за год до распада Советского Союза Мамай снова объявился на районе. Он всячески избегал общения с друзьями, при встрече отмалчивался и старался поскорее закончить разговор. Богдан тогда служил в угрозыске и вскоре выяснил причину странного поведения друга. Оперативные источники донесли, что Анатолий Дмитриевич Замайский состоит в известной бандитской группировке и занимает далеко не рядовой пост. Он поставлен смотрящим на районе в экономической сфере.

Юрко запомнил, как однажды отец назвал Замайского народным преступным авторитетом. Мама тогда ответила:

— Толя никогда не был уткой или отморожком. Дорогу каждый выбирает для себя сам. Учти, что Мамай единственный из твоих друзей, на кого я могу положиться.

Родители чуть не разругались, а повидаться с народным авторитетом Юрку довелось один единственный раз. Именно тогда он получил свое

весеннее прозвище, которое сразу прижилось в семье и среди друзей.

* * *

Знаковое событие приключилось 3 мая 2005 года в день сорокалетнего юбилея майора милиции Скорика. Круглую дату решили отметить маевкой, а чтобы как следует оттянуться, печерские сыщики вывезли семьи подальше от цивилизации. Местом застолья избрали безлюдный лесистый берег Днепра в необитаемой части Труханова острова. Соорудили дощатый стол с длинными лавками и брезентовым тентом, расчистили площадку для мини футбола. В празднестве приняли участие не только сослуживцы Богдана, но и костяк группировки «Бересты».

В самый разгар веселья к берегу причалил прогулочный катер. В сопровождении двух амбалов по трапу сошел невысокий сутулый дядечка в белоснежной сорочке, измятых льняных шароварах и смешной панаме с обвислыми полями. Он удерживал перед собой охапку белых роз, улыбался и посматривал поверх зеркальных окуляров на притихшую компанию. Участники пирушки погрустнели и стали разбредаться по окрестностям. Растерянный юбиляр подхватил под руку супругу и отправился встречать незваного гостя. Юрко

оказался поблизости, поэтому слышал все, о чем говорили взрослые.

– Извиняй, Бодя, но я приперся. Как всегда без приглашения, – раскланявшись, уведомил гость и вручил Юриной маме цветы. — Ты, Оленька, не сердчай, что распугал гостей. Прими букетик в знак глубочайшего уважения. И не вибрируйте — я на минутку. Перетру кое о чем с Бодей, одарю его презентом и отчалою.

– Да что ты, Толя! Это ты нас прости! – смущенно залепетала Ольга Петровна. — Могли бы и пригласить. Ой, как неловко вышло...

– Ерунды не вещай, – отмахнувшись, парировал дядечка. — Мамаю не приглашают на ментовские толковища. Посему без обид.

– Мы всегда рады тебя видеть, – не унималась мама. – Может, пойдем к столу?

Вместо ответа Замайский снял панаму, сдвинул на лоб очки и пристально оглядел Скорика-младшего.

– Юрко как вырос! — радостно воскликнул. — А Дашка где? Небось, уже барышня?

– Бегаёт где-то с подружками, – пробурчал Богдан Михайлович и заторопился. — Давай решать что ли. А то я гостей не соберу.

– Погоди! – отстранился Мамай и заговорил по-украински. — Желаю с Юрком

поздравствоваться. Подойди, козаче и дай пять! Меня дядей Толей зовут.

Юрко опасно вложил ладошку в растопыренную пятерню. С интересом оглядел золотой перстень на безымянном пальце и деловито резюмировал:

– Слышал я про вас. Вы народный авторитет.

– Оба-на! — осклабился гость. — Ну, точно Бодин сынок. Без базара порадовал! На душе враз посветлело и степлилось. Отныне даю тебе псевдо Май. Денек-то нынче майский и ты, Юрко, светлый, как май. Я Мамай, а ты Май. На том и порешили!

Притянул к себе обескураженного мальчугана и сгреб в охапку. Заприметив, с какими недоумёнными лицами наблюдают за действием родители — осведомился:

– Шо такое? Я ж по-козацки.

– Ну, хватит куражиться, – настоял юбиляр. — Пошли уже. Ты, Оленька, зазывай пока гостей к столу.

Негромко переговариваясь, они побрели плечом к плечу по песчаному берегу. Ольга Петровна позвала сына.

– Поздравляю, Май! — огласила с довольным видом. — Похоже, ты обзавелся надежным покровителем и подходящим прозвищем. Лично мне по нраву и то и другое.

С тех пор Май не встречался с Мамаем, а

спустя полгода случился разговор Юркиного отца с дедом на повышенных тонах. В итоге они здорово разругались. Юрко не понял из-за чего, хотя оба не раз упоминали Коня и Мамаю. Тогда же он впервые услышал фамилию Берг.

* * *

Судьбы лидеров берестовой группировки сложились по-разному.

Василий Васильевич Ляхов после службы в рядах советской армии умудрился поступить на актерский факультет театрального института имени Карпенко-Карого. Узнав об этом, бересты испытали коллективный шок. Угловатый нефотогеничный увалень, напрочь лишенный чувства юмора, никогда не выказывал актерских способностей. В школе с трудом мог вызубрить самый короткий стишок. И вдруг артист!

На этом непредсказуемые фортели Ляха не закончились. Получив диплом, он тут же забросил актерскую карьеру. Нежданно-негаданно подался служить в СБУ, а позже выпал из поля зрения на долгие годы. Появился на горизонте незадолго до первой революции 2005 года, о чем Май узнал из разговора родителей.

Однажды Богдан Михайлович рассказал, как впервые в жизни оказался в администрации

президента на Банковой. Сыщику предстояло допросить свидетеля по важному делу, и пока блуждал бесконечными коридорами, столкнулся с Ляховым. Так и узнал, что Василий Васильевич служит в аппарате гаранта засекреченным и специальным консультантом по вопросам безопасности. Лях предложил Скорику работу по своему профилю, а Ольга Петровна услышав о том, высказалась крайне прямолинейно. Заявила, что Васька всегда был скользким и непредсказуемым, как гадюка, а связываться с ним — себе дороже.

Опытный сыщик прислушался к увещаниям жены, а через год узнал, что Ляхова назначили советником секретаря Совета Национальной Безопасности и Обороны. В то время Богдан поменял угрозыск на адвокатское поприще и без устали благодарил супругу за непоколебимую позицию. Твердил, что без тогдашней встряски мог принять заманчивое предложение и вляпаться в политические интриги по полной программе.

На Майдане Богдан получил разведданные, что именно Ляхов готовит акцию по силовой зачистке центральной части города. Попытался с ним связаться, надеясь образумить по старой дружбе, но Василий Васильевич на контакт не пошел. После позорного бегства гаранта он тоже исчез. Поговаривали, будто отсиживается в Москве, дабы избежать ареста, но вскоре выпускник

актерского факультета выкинул очередной фортель. Через год вернулся в Киев, явился в прокуратуру и представил доказательства своей невиновности. В итоге уголовное дело по обвинению Ляха в злоупотреблении служебным положением было закрыто. Богдан только оклемался после ранения и порывался учинить разборки в прокуратуре. Искал встречи с бывшим берестом, желая заглянуть в бесстыжие глаза, но жена, как личный доктор, запретила даже думать об этом.

Душа компании Вадим Николаевич Шумейко откликался на позывные Шум или Шумок — в зависимости от настроения и важности текущего момента. Всегда был желанным гостем в доме Скориков. С детства увлекался мотоциклами, а позже стал капитаном юношеской команды мотогонщиков столичного дворца пионеров. Вадька первым из берестов побывал за границей, удостоившись в выпускном классе звания мастера спорта.

В постперестроечные годы тренировал подрастающих мотогонщиков и сопровождал их на соревнования в Европу. Попутно занимался полуплегальным вывозом и продажей за границей мотоциклов времен Второй мировой войны. Шумок выискивал и выкупал раритеты у коллекционеров, колеся на своем бусе по всей Украине. В результате

финансовые дела стремительно шли в гору, но настал день, когда старинные мотоциклы в стране закончились.

Вадим Николаевич переключился на иномарки и стал десятками перегонять из Европы. Богдан оказывал другу юридическую поддержку, пока служил рядовым сыщиком, но заделавшись начальником отдела угрозыска — молчаливо отдалился. Знал, что подобный бизнес строится на нелегальных схемах, но в душу Шумейко не лез. Говорил, что Вадим — человек адекватно мыслящий и осознающий полноту ответственности. Не смотря ни на что, они оставались друзьями. Вскоре Шумок забросил свой опасный бизнес и открыл автосалон на Столичном шоссе.

Во время революции всячески поддерживал людей на Майдане. Помогал, чем только мог. Подвозил на бусе продукты в мэрию и старые покрышки на Грушу. Выкупил в салоне новенькую «шкоду» и передал ее на нужды Сотни Богдана. Однажды Вадима стреножили беркутовцы и потащили в суд, но вмешался адвокат Скорик и внаглую умыкнул друга у бывших коллег.

Генка Рябоконь числился в инициативной команде берестов, пока не начались проблемы личного характера. Трудолюбивый покладистый балагур здорово переживал из-за того, что

подумают о нем сверстники. Потому из шкуры вон лез, изворачиваясь от школьных неудов и замечаний по дисциплине. Старался подтянуть физкультуру, ведь для берестов то был немаловажный показатель. Упорство давалось ему с трудом, потому что Генка рос в неблагополучной семье. Отец беспробудно пьянствовал и частенько поднимал руку на жену и единственного сына.

Отдушиной и глотком свежего воздуха для Рябокonia стали отношения с Ириной. Жаль что ненадолго. На определенном этапе взросления произошел внутренний надлом — у Коня пробудились родительские гены. Он постепенно отделился от друзей и стал избегать встреч с Ирой. Зато все чаще его замечали в компаниях местных выпивох. В выпускном классе Генка умудрился попасть в вытрезвитель, из-за чего был с позором изгнан из комсомола. Бересты попытались урезонить друга, но Конь «брыкался» и посылал их подальше. Твердил, будто крамолы в пьянке не усматривает. Дескать, все так живут.

После демобилизации и окончательного разрыва с Ириной, он устроился разнорабочим на завод «Арсенал». Конечно же, по ходатайству Богдана и не без помощи самого старшего Скорика. Но вместо того чтобы взяться за голову обзавелся новыми собутыльниками и напрочь съехал с катушек. Чуть ли не каждый день попадал в поле

зрения милиции. Богдан снова попытался помочь, уговаривая участкового не отправлять Рябокonia на принудительное лечение от алкоголизма. Вместо благодарности Генка набросился на друга и запретил вмешиваться. Скорик махнул рукой в прямом и переносном смысле и сказал:

— Живи, как знаешь! Ты взрослый мужик, только не дружишь с головой. Не возьмешься за ум, так жизнь подмогнет. Только бы не было поздно.

* * *

Даша поставила на стол тарелку с разогретыми в микроволновке бутербродами. Уселась на диван и юркнула под мамино крылышко.

— Тут и думать нечего! — объявила, нахмутив брови. — Раз папа сказал, значит, будем искать Мамаю. Высказывайте предположения. Лично я думаю...

— Погоди минутку, — попросила мама. — Замайского найти не проблема. Я слыхала, вы Ляхова поминали. К чему будили лихо?

— Есть подозрение... короче... дочка дяди Вадима... — начал Юрко, разделавшись с бутером.

— Жуй, давай! Я сама, — вклинилась Дарка и пересказала телефонный разговор Шумейко с Ляховым.